

...Скромные интерьеры. Скромные люди живут здесь.

— А чего нам для двоих-то? — отзывается Георгий Яковлевич. — Здесь я, жена моя Ниёле, кстати, врач из Боткинской...

Шуршание за спиной.

— И еще Кеша! — обрадовался коту Мартынюк.

— Вышел наконец!

— Породистый...

— Да какой там! Маленьким принесли — ну рахит! Пузо вбок, лапы кривые, хвост веревкой. А сейчас какой, а? Уж 15 лет ему! А что? Витаминки кушает, травку-соломку. Главный он в семье: Иннокентий Георгиевич, хозяин.

— Вроде сын ваш? А дети где же?

— Дети жены? Они-то отдельно живут. А вот глядите: кто это?

...Смотрю — портрет. Самодетельный, но с душой.

— Один поклонник подарил; правда, писал его с фотографии. Поэтому все наоборот: видите, палец у меня крючком на левой руке? Сухожилие перерезано: как-то на репетиции давным-давно бутылка летела из-под шампанского. Ну и попытался поймать... Кофеечку? Угостить особенно нечем, жена в костел ушла... Она же литовка. Хотя... какая разница? Главное, чтобы Бог в душе был, а в какую церковь при этом ходишь...

— Хотите вы или нет, но говорят же про актера: "заложник одной роли"...

— Не я первый, не я последний. Сначала очень переживал. Вот смотрит на тебя человек, а ты думаешь: "Ну, сейчас опять начнет: Пал Палыч, "Знатоки" и прочее в этом духе..." Но иногда вдруг услышу: "А я вас помню еще по фильму "Щит и меч"! И сразу так приятно на сердце!.. Я ведь актер характерный, очень разным могу быть. Помню, когда съемки "Знатоков" были в самом разгаре, в театре на Бронной мы с Лёней Каневским играли в "Обвинительном заключении" двух прожженных эзков: я — вор-рецидивист Лимон, Лёня — староста камеры по кличке Гоголь. И вот занавес открывается, а мы в каком-то рванье на нарах сидим. Красота! Зал в шоке. Минут пятнадцать не могли спектакль начать из-за хохота...

— Но роль Знаменского хорошая же получилась!

— Да ничего в ней хорошего нет. Что там играть? Она трудна только своей положительностью. А так... В первую же встречу сговорились с Каневским и Лёжей, кто каким будет: Знаменский — интеллигентным, Томин — разбитым и шустрым... Всё! А дальше пошли сплошные допросы на двадцать лет (с 1969-го) и 22 серии. Моей настоящей-то фамилии никто не знал. До чего доходило! Один раз билет на самолет выписали: "Знаменский, Павел Павлович, рейс такой-то, место такое-то". И мой номер паспорта. Прохожу контроль в аэропорту. Охранники как вчитались, так и приснули. Но пропустили.

— Значит, за что-то народ полюбил?

— Так ведь не было ничего — из сериалов только "Знатоки" да "Кабачок '13 стульев". Мы и "развивались" во многом благодаря письмам зрителей. Сегодняшние "менты" могут играть как угодно. Их не ограничивает жанр. А мы... Я из-за этого ни одной серии "Знатоков" так до конца и не досмотрел. Только сяду — гляжу на себя деревянного, думаю: "Надо исправиться!" Наутро — съемки, надеваю мундир, и... опять все то же. Зрители часто просили: "Хоть жените их, что ли!" Или написали однажды: "Чего это Знаменский дела столь успешно раскрывает, а все майор?" К следующей серии повысили. Так полковником в отставку и вышел.

— А то, что Владимир Хотиненко пытался "Знатоков" реанимировать...

— "Ностальгический" рейтинг был высоким, но сейчас уже нет смысла этого делать: рынок переполнен. Вы не курите?

— Нет, но я с удовольствием на вас посмотрю. Странно, что жена-врач вам это дело позволяет.

— Позволяет? Не то слово! Пилит и пилит. При ней — не очень-то... Я же оперировался на легком в 2001-м. Опухоль вырезали. Теперь каждый год 4 декабря звоню своему профессору — Александру Харитоновичу Трахтенбергу, говорю: "Папа" (его все так в Институте Герцена зо-

...Выхожу с Ваганьковского. Тут же жилой дом кирпичный:

Внешпосылторг когда-то для своих строил. Но сейчас от его

"элитности" — лишь

многообещающее соседство. По

дороге думал: как должен жить

человек, всю жизнь игравший

мента? Столько связей, столько

возможностей...

— А, это вы? Заходите...

И вправду — так и норовишь

брякнуть: "Здравствуйте, Пал

Палыч!" Так проще. Понятнее.

Вечный образ. Но обращаюсь к

нему "Георгий Яковлевич" — и

сразу вспоминаю, что он —

артист с Малой Бронной, и

завтра ему — 65... Следуем в

кухню — прислушиваюсь: он еще

ничего не говорит, а уже видна

явно болезненная худоба,

хрупкая уютность человека,

ценящего тишину и

уединенность...

В ЗНАТОКИ ПАЛ ПАЛЫЧА

Георгий
МАРТЫНЮК:
"Давно уж никто
не помнит мою
настоящую
фамилию!"

вут). Считаю, как второй день рождения.

— Это чего ж, дело к раку шло?

— Спросил у него, а он лишь смеется: "А какая тебе разница? Я отрезал все и выкинул кош-ками!" Помню, захожу к нему в кабинет первый раз. Ну, думаю, сейчас начнет придирается — курю я или нет. Только открыл дверь — топор негде вешать. Успокоился: "Этот меня поймет!" А ведь он сам туберкулез перенес. Я все спрашивал: "Чего ж вы сами-то курите, Александр Харитонович?" Отвечает: "Судьба". Сразу же после операции — я в реанимации лежал — он подзывает жену и говорит: "Сigaretку ему принеси..." Это не просто так: привычка-то много-летняя. Когда лежишь, застой может быть в легком. А покуришь — идет отхаркивание. Вот курнул я раз — и все поплыло... Операция — тьфу-тьфу-тьфу — прошла блестяще!

— А "блатом", от "Знатоков" идущим, поль-

зовались?

— Конечно. Только переехал в этот дом, сразу

же отправился в магазин. А ведь дефицит то-

тальный! Кто в магазине главный?

— Заведующий.

— Сам ты заведующий! Мясник! Усадил меня,

стал рассказывать, как к нему еще Высоцкий

приходил. Или те же грамоты: вот сколько бы-

ло "милицейских" министров за эти годы — ка-

ждый нас — "знатоков" за своих считал. Сколь-

ко по стране ездили — никогда без милиции не

обходилось. Жена просто стонала: "Вот пое-

дем — смотри! Чтобы никто не знал, что ты

прибыл в город!"

— Прямо "Ревизор"!

— А то! Но кто-то все равно заприметит в само-

лете... Ночь пройдет, наутро — звонок в дверь.

Стоит какой-нибудь майор: "Георгий Яковле-

вич, сегодня вечером — мероприятие". И уже

все ясно: шашлыки или уха. После одной такой

поездки жене плохо сделалось с печенью: объ-

елась бишбармаков...

— Но в какой-то момент профессия мили-

онера вконец девальвировалась. Не прихо-

дилось от зрителей слышать — чего, мол,

этих "продажных" играет?

— От зрителей — нет. Ну что вы! Мы

надежду играли. А вот сами менты,

конечно, относились к нашим героям

иронически... На первых сериях

в качестве консультанта у нас был

генерал-лейтенант Борис Викто-

ров, ныне покойный. Ох и хороший

мужик! Рассказывал, как

одна коллега ему гово-

рит: "Я тут видела фильм

научно-фантастический, кото-

рый ты консультируешь..." — "Это

какой же?" — "Знатоки". — "Почему

фантастический?" — "Да где ж ты такую

милицию видел?" Все всё понимали.

Но мечта перевешивала. Верили в нас.

Прямо в театр ко мне приходили жен-

щины, приносили какие-то дела со сло-

вами "у меня сына

неправильно осу-

дили!" А мне что ответить? "Я — артист!" —

"Ну вы же там всех знаете!" Вот и брал, пере-

давал кому следует. Не выкидывать же. А по-

пулярностью, конечно, пользовались, но на

бытовом уровне: скажем, едет Каневский на

авто (а он всегда ездил как хотел: кирпич, не

кирлич...), нарушает. Останавливают. Узнают.

Отдают честь. Берут автограф. Едем дальше.

Да и друзьям помогали часто: у кого-то права

отобрали, кому-то телефон нужно поставить

или вообще квартиру выбить... Вот соберемся

"Знатоки":
последняя примерка
нестареющего образа.

— Каневский, Дуров и я — и идем в исполком.

Помогало. Сейчас такое не пройдет. Давай

деньги — и всё.

— Не по душе такая реальность?

— Я рад тому, что людям дали возможность за-

рабатывать. Это мы — к окладам привыкли. Же-

на тут кого-то лечила, и ей в благодарность

больные денег дали. Долларами. Она принесла,

руки трясутся. Я говорю: "Ну и что? Что в этом

такого ужасного?" Тут Каневский привез из

Израиля, рассказывал, как он по 26 спектаклей

в месяц играет. Но и получает за каждый!

Потому очень я сочувствую провинциальным

артистам, которые варятся в своем театре как в

котле все сто процентов времени...

— А разве это плохо?

— Но они лишены этой московской прелести

выбора — театр-кино-телевидение-концерты.

Помню, снялся в своей первой рекламе. И мне

буквально ни за что сразу столько денег отвали-

ли! В голове все перевернулось: а я, дурак, ка-

ждый день в театр хожу! Правда, мы в свое вре-

мя тоже — как свободная неделя, так берем

ролики с фильмами (в качестве "картинки" для

концерта) и — по стране! За 20 лет я, Каневский

и Гриша Лямпе весь Союз обчесали вдоль и по-

перек. Я даже стихи написал:

Помнит Харьков и Саратов,

Таганрог и Кременчуг —

Приезжали к ним ребята: Каневский,

Лямпе, Мартынюк.

На аллеях Волгограда,

на Крещатике и Невском

Появлялась гоп-бригада Лямпе, Марты-

нюк, Каневский.

И поди-ка угадай-ка, где еще

при свете ramпы

Будет грабить эта шайка — Мартынюк,

Каневский, Лямпе.

— ...Жаль, что они уехали. И Канев-

ский, и Лямпе. Последний там и

умер.

— Да, помню, как Гриша плакал уезжая.

Все звал меня туда, говорил: "Я тебе вы-

зов пришлю"... А потом — операция, зараже-

ние крови, и Гриши не стало.

— Уже четвертая сигарета. Но, по счастью,

звонок в дверь. Жена.

— Вы, Георгий Яковлевич, уж точно до-

мосед. Сколько раз Лямпе к себе

приглашал: "пришлю вызов"...

— Сейчас для меня любая поездка тяже-

ла: жуткий остеохондроз. Если куда ле-

теть — жена тут же уколы делает, шею

обезболивает. Уже год на них сижу. Если и

люблю поехать — так это в санаторий подмос-

ковский или в родной Оренбург.

— А загранка?

"Щит и меч": первая
элегантная слава.

— Она в советское время только магазинами

привлекала. А теперь-то что? У нас всего полно,

и гораздо дешевле.

— Но Оренбург не забываете?

— Пока родители были живы — ездил. Папа у

меня — партийный работник средней руки, ма-

ма — по ветеринарной части... Отец — украинец

(Мартынюк), мать — казачка. В детстве я впе-

чатливым был. Где-то с пяти лет себя помню.

Как раз война закончилась. Это сейчас

Оренбург — промышленный. А тогда — захолу-

стейший городишко в две улицы. Степь, одним

словом. Там же Казахстан под боком. Наркота

была в избытке.

— И вы...

— Все мы в детстве анашу перекурили... И е-

сли бы не старший брат — местный артист, —

еще неизвестно, что бы из меня получилось.

Он-то первым и потащил меня в театр. Разжег

страсть. Потом уж была Москва, ГИТИС... Ро-

дители отпустили. Думали так: "Сейчас поведет,

само собой, провалится и вернется". И я так

думал. Но... Где-то на последнем курсе меня

позвал к себе главреж Оренбургского драмте-

атра. Сажу в кабинете, а он "охмуряет": сразу

дам тебе роль Алексея в "Оптимистической

трагедии" (это, если помните, этаким "совет-

ский Гамлет"), квартиру... Не было. Меня

взял Гончаров.

— Не жалеете, что всю жизнь проработали в

одном театре? Тем более что театр этот...

гм... пользуется у москвичей переменным

успехом.

— Малая Бронная? Да, уж 43-й год пошел, как я

здесь. Но я консерватор, знаете ли...

— В качестве главреж Бронная сменила

многих. Последним был Житинкин...

— И слава Богу, что он ушел. А то балаган ка-

кой-то.

— Да, ушел. А что же взамен?

— Дуров очень неплохо работает с артистами. Я

вот специально бороду отпустил для роли Ва-

нюшина (по "Детям Ванюшина"), которую Лев

Константинович мне предложил. Это его первая

постановка после ухода Житинкина. Жаль толь-

ко, что народу совсем мало ходит. Что же это:

нас на сцене больше, чем зрителей!

...Входит Ниёле, я понимаю, что с этого момен-

та начинается семья, и я тут лишний, но... Георгий

Яковлевич — жена:

— Давай развей какой-нибудь миф обо мне...

— Нет, правда, ваш муж пользуется такой

популярностью, у женщин в том числе...

Ниёле:

— Я не придаю этому большого значения. Ни

его это не портит, ни меня.

— А вот так, чтобы в запале хлопнуть по сто-

лу: "Я народный артист!"?